

*А. М. Чарному, моему отчиму,
главному патологоанатому МПС,
и его друзьям-коллегам посвящается*

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить.

А. К. Толстой

Две вещи оправдывают
существование человека на
земле: любовь и творчество.

И. Бродский

Часть 1

ИЮНЬ

ГЛАВА 1

Сумерки, истома, пряный воздух расцветающего лета.

Хочется любви. Любви, а не замуж...

Но Алле надо замуж. Поскорее и за богатого.

Они дошли до двери ее подъезда. Теперь то ли попрощаться, то ли пригласить Виктора к себе... Пусть сам начнет. Напросится на чашку... или рюмку. А она сделает вид, что поверила, будто речь и впрямь о чашке-рюмке.

Да, пусть сам. Так будет проще.

... Честно говоря, Алла даже не надеялась, что понравится ему. Красавчик, и явно богат: щедро угостил ее в ресторане, за все заплатил. И до дома на такси довел. «Моя тачка в ремонте», — сказал. Девки на него гроздьями готовы вешаться — во время ужина так и крутились, так и вились вокруг, надеясь привлечь к себе его внимание, и плевать им, гиенам, что он с девушкой! А вот выкусите, ему понравилась — Алла! Пусть и не такая красавица, но симпатичная, и фигура хорошая, и волосы на загляденье — длинные, волнистые... На нее всегда парни смотрят! Да только не те, что нужно... А Виктор — как раз то самое. Мечта, а не мужчина.

Надо его удержать во что бы то ни стало. Правильно повести себя сейчас, чтобы он и завтра захотел с ней увидеться. Завязать отношения, в общем.

Да как, блин? Алла надеялась, что инициативу проявит он, а она еще и поломается в меру... Но он стоял и молчал у двери подъезда, опустив руки. Только, наклонив лицо свое красивое, рассматривал ее, будто о чем-то хотел спросить. И все никак не спрашивал...

Что-то в нем было непривычное. Вежливый очень. Руки не распускал, целоваться не лез, неприличных разговоров не заводил. Прямо аристократ. В переписке он казался куда смелей! О таких вещах спрашивал, мама не горюй! Фотографию обнаженную просил. Когда она отказалась, стал вопросы задавать про ее тело... Говорил, что хочет представить. Что мечтает увидеть наяву. А то в переписке, типа, это как во сне...

Потом в ресторане вдруг спросил с задумчивым видом: «Ты веришь в настоящую любовь?» Алла ему улыбнулась нежно и ответила: «Конечно!» А чего еще сказать?

Он в ответ выдал что-то такое, мол, люди принимают за любовь потребительское отношение. Типа они не хотят отдавать себя, хотят только получать. Он это так печально сказал, будто за все человечество переживал. Алла даже растерялась. Да кто же отдавать хочет? Никто! Все хотят получать.

— Знаешь, это такие материи... я в них не разбираюсь, — весело ответила она, чтобы положить конец странному разговору.

Он просто кивнул.

А теперь, у подъезда, и вовсе умолк. Самой, что ли, предложить ему подняться? Такого парня надо держать обеими руками, это редкая удача... Или лучше попрощаться сейчас? Не такая, мол, я девушка, чтобы сразу. И номер телефона ему дать.

Ну а вдруг не позвонит? Нельзя так рисковать...

Молчание, однако, затягивалось. Алла все никак не могла придумать, как лучше себя повести. Отец всегда говорил, споря с матерью: «Мужика можно удержать только постелью! Не дала баба — и до свидания, другую найдет!» Но мать считала, что мужику надо «поохотиться». Потому девушке сдаваться сразу нельзя, следует его поводить, поморочить как следует...

Алла не знала, кто из них прав. Ей не хотелось ни охотиться, ни удерживать. Не встретила она пока такого, чтобы захотелось. Но родители наседали. Она еще школу не успела закончить, как они принялись талдычить о выгодном замужестве. По их мнению, девушка — товар скоропортящийся, отчего надо себя продать побыстрее и подороже, конечно. А в том, что ни к чему иному Алла не приспособлена, — в том никто не сомневался. Даже она сама.

Но ей хотелось любви...

Прагматизм родителей принял такой размах, что Алла стала подозревать: уж не намерены ли они поскорее дочь из дома выпихнуть, в руки мужа сбегать? Отец с матерью подались после дефолта конца девяностых в Москву из Калуги — там у них был небольшой бизнес, стройматериалы. Дефолт сожрал почти все. Распродав остатки, они выручили кое-какую сумму и решили: в столицу! Только там делаются настоящие деньги!

И точно, поначалу дела пошли в гору. Они купили ларек на ярмарке, потом другой, а вскоре и третий. Откупались, конечно, как положено: от рэкета, от чиновников, от ментов. Надеясь, что все эти спиногрызы однажды наедятся досыта и отвалятся, оставят их в покое. Однако вышло иначе. На место старых вымогателей — нажавшись, они шли выше, на новые

уровни, атаковать новые хребты, — заступали следующие. Голодные, злые. И снова кричали: дай! отстегни!

Ничего не кончалось, все становилось только хуже. И теперь вот последний ларек у них отбирают. Пивом запретили торговать, сигаретами...

Алла стала обузой для родителей. И они всеми силами настраивают ее на выгодный брак. И, похоже, разочарованы, что год спустя после окончания школы она все еще не нашла себе подходящего жениха... Уж не мечтают ли и сами сесть на шею ее будущему богатому мужу? Хрен их знает. Могут. Они думают, дочка ничего не понимает, — да как же ей не понимать, если она с ними выросла? И все их расчеты-просчеты всю жизнь слушала?

— Ты что-то задумчива стала, русалочка...

Виктор дотронулся до локона Аллы, ласково отвел от лица. Алла неожиданно ощутила волнение, впервые за весь вечер.

Какой красивый парень, блин, телевизор по нему плачет! А он не в телевизоре, он тут, с ней, с Аллой, у ее обшарпанного подъезда! И смотрит выжидающе... Хватать его надо! Хватать, пока не поздно! У него карточка «голд», Алла видела, он в ресторане расплатился, — а такие только у богатых бывают!

Она представила, как обзавидуются девчонки, когда увидят их вместе, и сладость разлилась по ее телу.

— Я бы пригласила тебя... На чашку чая, — поспешно уточнила она. — Но я вообще-то с родителями живу.

На самом деле родители уехали на дачу, квартира была пуста. Эту фразу Алла закинула, как удочку: хотела посмотреть, как Виктор отреагирует.

— Я бы с удовольствием... чаю, — улыбнулся он. — На дорожку. Мне ведь сейчас обратно ехать...

— А ты где живешь? В центре? — жадно поинтересовалась она в надежде услышать какой-нибудь аппетитный адрес.

— За городом, — Виктор не стал распространяться. — А родители твои разве не на даче? — с легкой усмешкой спросил он. — В такую-то погоду?

Он протянул к ней руки и осторожно ее обнял.

Наконец-то!

— Знаешь, я тоже потребитель, — прошептал он, целуя ее. — Я тоже ищу в любви наслаждения... для себя...

Как будто Алла думает о *наслаждении*! Ей остро нужен муж. Богатый! Ну, чтоб не жадный еще, чтоб деньги давал. Будь он страшный и старый, она и то согласна! А уж когда такой красавчик, как Виктор... Если о наслаждении говорить, то вот оно, настоящее: ловить на себе восхищенно-завистливые взгляды подружек!

Она почувствовала в его теле легкое подрагивание. Парень настроен чисто-конкретно. Дождалась, слава богу!

И в то же мгновение Алла внезапно ощутила боль в низу живота, будто кто-то мазнул раскаленной кистью справа налево.

Месячные приближаются, сообразила она. В такие дни у нее всегда болел живот, секса совсем не хотелось. И ничего не хотелось. Только принять обезболивающую таблетку и зарыться в постель, под теплое одеяло... При одной мысли о сексуальном контакте ее мучило, а живот восставал резкой болью.

Но не объяснишь же парню — подожди, мол, еще несколько дней! Нет, его надо брать сейчас, сию минуту!

Что ж, она притворится. Не впервой. Будет симулировать восторг и оргазм — пусть думает, что он

лучший. На мужчин это очень действует. Даже на тех, у которых нужный орган едва стоит. Вот ведь странность: мужчина ведь сам видит, как его «машинка» подкачала! Но нет, верит вранью, верит лживым комплиментам — таким лживым, что даже Аллу тошнит...

— Ладно, пойдем. Но только на чашку чая! — кокетливо засмеялась она.

Виктор начал срывать с нее одежду уже в прихожей, причем столь стремительно, что Алла не успевала вставить и слово протеста. «Бешеный какой», — подумала она, но ей это польстило: выходит, она довела мужчину до безумия! Оставив на ней только нижнее белье, он потащил ее в комнату.

— Не в эту! Это родительская, моя вон там!

Но он будто не слышал.

— Пойдем, русалочка, пойдем, насладимся, — проворкотал он, не ослабив хватки.

— Подожди! — попыталась умерить его пыл Алла: он слишком сильно сжимал ее запястье. — Ты мне делаешь больно! И это не моя комната!

Распахнув дверь ногой, он толкнул девушку на двуспальную кровать, встал над ней на колени, сжав ими ее бедра. Ее руки он не выпускал из своих. Он тяжело дышал, а глаза его бегали по телу Аллы, будто что-то высматривая.

— Почему ты называешь меня *русалочкой*? — Голос Аллы немного дрожал, ей стало не по себе.

Виктор вдруг расслабился, отпустил ее руки и нежно улыбнулся.

— Потому что ты живешь в воде. Кто же ты тогда, если не русалочка?

— Я не живу в воде! Что ты несешь?!

— И волосы твои чудесные играют в волнах...

Аллу вдруг захлестнула волна отвращения, смешанного с ужасом. Боль снова горячо полоснула низ живота.

— Знаешь что? Ты сумасшедший! Пусти меня. Я не хочу. Я тебя *на чай* пригласила!

Он склонился к ее груди, принялся целовать и облизывать ее кожу.

Она попыталась отпихнуть его — не тут-то было. Виктор снова поймал ее ладони, крепко сжав их в одной своей руке, а другой, извернувшись, достал из заднего кармана черных джинсов розовые наручники с перышками, которые в одно мгновение оказались на ее запястьях.

— Тихо, тихо, не шуми...

Он содрал с нее последнюю одежду, трусики и лифчик, взвизгнула молния на его джинсах.

— Тихо, тихо, вот так... не сопротивляйся, хуже будет... Мы должны насладиться, русалочка... Мы насладимся... О, о-о-о, вот!.. Вот так... Умница...

Он двигался между ее бедер, тяжело дыша. Алла благоразумно решила не сопротивляться. Парень псих, а то и вообще маньяк... Может убить, если ему перечить!

Она закрыла глаза и постаралась расслабиться. Боль в низу живота нарастала, и Алла пару раз вскрикнула, — но, кажется, это прошло за ее половой энтузиазм.

Он постанывал все громче, а Алла молила бога, чтобы все поскорее закончилось и он уберется из ее квартиры. А раньше, чем он уберется, она закроется в ванной. Сумочку схватит по дороге, в ней телефон. Если этот псих вздумает ломиться к ней, она вызовет полицию!

...Она не сразу поняла, отчего ей стало так трудно дышать. Когда же догадка пронзила ее сознание, то уже ни звука не могло вырваться из ее гортани.

Последнее, что уловил ее погибающий слух, — это торжествующий вскрик оргазма убийцы, донесшийся с планеты, которую покидала ее душа.

ГЛАВА 2

Сергей Громов хмурился, читая рапорт. Костик — хоть уже майор, а все *Костик*, потому как давний друг и товарищ (хоть зануда изрядный, да кто ж не без греха), сидел напротив.

— Маньяк, говоришь, — отложил рапорт Громов.

— Ну, парни из Южного РУВД так подумали, потому нам информацию передали. Жертва изнасилована, задушена. Да еще эти треугольники на коже...

— Ты проверял, есть ли похожие дела по другим районам?

— Гоше поручил. Пока результатов нет, видимо, а то б уже доложил.

— Что означают треугольники на теле? В Южном догадки какие-нибудь есть?

— Кабы были, они бы с нами поделились. Небось рады нам спихнуть дело с перспективой на всяк.

— Кактус тебе на язык.

— Хе.

— Забирай у них дело и тело.

— Уже едут, ваше благородие.

Сергея (хоть уже и полковник, но для своих все Серега) зыркнул на товарища: тот улыбался. Надо же, Костик шутит! Не часто с ним это случается.

— В лото выиграл? — хмыкнуло «благородие».

— Серег, я, кажется, жениться собираюсь...

— Опа! Это надо обмыть. Расскажешь, кто эта отважная женщина, готовая тебя терпеть всю оставшуюся жизнь!

— Во блин, все настроение испортил.

— Да ладно, Костик, я ж прикалываюсь...

Через некоторое время явился Гоша, самый молодой опер отдела, да не с пустыми руками: выявил в базе нераскрытых преступлений два похожих ОПД (оперативно-поисковых дела).

— Тоже изнасилование с удушением. И женщины одного типа, голубоглазые шатенки, — подал он полковнику распечатки. — Одна в Восточном округе проживала, другая в Центральном.

— Почему нам дела не передали сразу?

— А вы их спросите.

Как ни любил Сергей Громов свою работу, как ни хотел бы вставить грудь на защиту чести полиции, — он знал, увы, что много тупых и бестолковых в нее набилось. Спрашивать у них бессмысленно.

— А треугольники на коже есть?

— Тут вот... — Гоша повернул распечатки к себе, — написано: «удушение с последующей порчей тела». Кто-то шибко грамотный расстарался, — хихикнул он. — Ну, я подумал, что похоже на наш случай. Ведь вырезанные треугольники — это тоже *порча тела*, верно? А в другом сказано, — Гоша ткнул пальцем в одну из строчек, — «посмертный узор из геометрических фигур».

— Пряма поэт, — хмуро отозвался Громов.

Поручив затребовать оба дела, найденные Гошей, он уселся за стол в своем кабинете и углубился в чтение папки, которую принес ему Костик.